

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ СЕМЬИ

Современная историография признает важность проблемы типологии семьи не только для фамилистики (как проблемы типологии вообще), но и для любого системного описания общества. Лидер «Кембриджской группы» — авторитетного направления в изучении истории семьи — П. Ласлет в основу подобных описаний предлагал положить именно семью: «социально-структурный историк должен начать свое описание с того же, с чего его начинает антрополог или же социолог, а именно с размеров, структуры и функций семьи в анализируемом обществе». Затем должна быть рассмотрена система родства, далее географические, экономические, религиозные и интеллектуальные отношения, образующие в совокупности социальную общность. (...) Только после этого — и в этом состоит основное отличие практики социально-структурного историка от историка традиционного — он займется политическими институтами и самим государством» [1].

Анализ изменения семейных форм в разных социально-экономических, политических и идеологических условиях и при различных социокультурных традициях раскрывает многие другие стороны жизни общества и превращается в важный исследовательский метод. Такой подход В.А. Александров использовал при изучении русской общины, полагая, что множество явлений деревенского быта и общинно-правовых норм, его регулировавших, а также весь комплекс вопросов, так или иначе связанных с сельской производственной деятельностью и феодальными повинностями, невозможно исчерпывающе объяснить без конкретного представления о типологии крестьянской семьи [2].

Востребованность исследований по типологии семьи в различных сферах современного гуманитарного знания приводит к расширению и углублению наших представлений и переосмыслению имеющихся взглядов. В конце 1980-х гг. Ю.Л. Бессмертный определял «современное состояние» проблемы в западной историографии как «поиски типологии семейных и домохозяйственных структур» [3]. «Опыт обобщающей характеристики» типологии крестьянской семьи по российским данным был предпринят В.А. Александровым в начале тех же 1980-х гг. [4], но многие принципиальные вопросы этой темы в отечественной исторической науке до сих пор остаются дискуссионными. В данной статье предпринята попытка сопоставить типологию и эволюцию семьи с акцентом на терминологическом аспекте данной проблемы.

Историографическая традиция основными типологическими показателями семейного строя называет численный и структурно-поколенный состав семей. Изменения в структуре и численности семьи влияют на ее форму и отношения ее членов, поэтому предпосылкой любого конкретно-исторического исследования семьи является ее типологизация [5]. Чаще всего этот этап исследования представляется в работах эксплицитно. Авторы либо не считают нужным «теоретизировать» при изучении конкретного вопроса, либо объясняют используемые ими понятия не в полном объеме. В результате читатель сталкивается большим разнообразием терминов, обозначающих структурные образования

Семьи: малая, большая, неразделенная, нуклеарная, полная, неполная, сложная, простая, индивидуальная, моногамная, стеблевая, разветвленная, расширенная и тому подобное. Типичным примером «выдергивания» терминов из типологий семей, основанных на разных принципах, может служить работа А.А. Люцицкой. При описании семейного строя старожилов Сибири XVII — начала XVIII в., не давая определений, она использует следующие названия: малая, большая, большая неразделенная, братская, отцовская, нуклеарная семья [6].

Одной из причин существования подобного терминологического разнообразия является, по-видимому, изучение семьи специалистами разных наук. Анализируя объект с определенных точек зрения, они в различных терминах фиксируют информацию о нем. Так, семья является традиционным объектом изучения этнографов, которые в первую очередь уделяли внимание архаическим формам семьи и соответственно этому, разрабатывали ее терминологию [7]. Приступив к изучению семьи, историки использовали опыт, накопленный смежной наукой [8]. Параллельно возникала типология семей применительно к целям исторического исследования. В качестве примера можно сослаться на обоснование терминов «неразделенная» и «большая» семья в работах В.А. Александрова и М.Б. Свердова [9]. Нельзя также не учитывать опыт демографов, которые разрабатывают классификацию семей с точки зрения воспроизводства населения [10].

Сложность самой семьи как объекта изучения также порождает большое количество терминов. Общеизвестное, традиционное для этнографии деление семей на большие и малые недостаточно для отражения всего многообразия типов семьи при анализе конкретного материала. Осознавая это, некоторые историки (например, Л.С. Ефремова) продолжают пользоваться наиболее распространенными терминами, хотя оговаривают, что считают их не совсем точными [11]. Другие пытаются вводить новые термины. Так, А.А. Столяров предложил считать, что неразделенная семья включает в себя три типа: общепринятые — отцовскую и братскую и еще сложную, состоящую из дядей и женатых племянников [12]. Некоторые историки вообще стараются, не употребляя эти термины, перечислять состав семей по структурным элементам. В этом отношении показательна статья В.В. Соловьева. Он пишет, что в реальной жизни существовало много комбинаций семейных структур, для классификации которых В.А. Александровым была предложена схема-таблица, на основе которой Е.Н. Баклановой (Швейковской) была разработана еще более подробная схема [13]. Этот прием оказался эффективным, и таблицы структуры семей встречаются почти в каждой работе, посвященной данной тематике.

Накопленный при решении данной проблемы опыт свидетельствует, что наиболее распространенные типологии семьи (как и многих других объектов) построены по структурным признакам. Структура — способ организации связей между элементами и характер их взаимоотношений — относится к понятиям системного подхода. По наблюдениям О.А. Гандюк, термин «система» в исследованиях, посвященных семье, «упоминается редко, но почти всегда рассматриваются ее структура, типы», что делает возможным применение к ней общей теории систем и системного анализа [14]. В обыденном употреблении слово «семья» подразумевает какую-то конкретную реально существующую группу,

которую можно изучать как «совокупность тесно взаимосвязанных систем ношений разного порядка», прежде всего родственных: «рассматривая род как универсальный феномен, присущий всем обществам, исследователи выделяют элементы этого понятия», в том числе «тип конкретных семейных единиц, характерных для данного общества и данной эпохи» [15].

Используя понятия «тип» («подтип»), «форма», «вид», «стадия» семьи, авторы конкретно-исторических работ, как правило, не раскрывают их содержания. Типами обычно называют все группы семей, выделенных из их множества по разным признакам [16]. Следовательно, типы семьи могут быть разными, а деление на типы зависит от целей конкретного исследования. Так этнографы распределяют семьи по брачным парам на простые и сложные, по отношениям между родственниками — на авторитарные и эгалитарные [17]. Принципы типологии семей в демографии — формы брака, число поколений и супружеских пар [18]. Определения формы, вида, стадии семьи в литературе отсутствуют.

Таксонометрические понятия для создания типологии семей каждый автор выбирает сам. Некоторые обходятся термином «форма» семьи [19]. Другие используют два термина: «форма» и «тип». Ряд авторов ставит на первое место типы семей, которые затем подразделяют на формы [20]. Иные считают более общим понятием форму семьи, а более частным — ее тип [21]. Иерархия типов и форм семьи может дополняться «переходными» элементами. Так, традиционное разделение семей на большие и малые представляется В.В. Соловьеву недостаточным: «в реальной жизни существовало множество типов той или другой формы, наряду с переходными типами от малой к большой семье» [22]. Каждый тип семьи, по мнению С.Н. Абашина, включает в себя множество форм семьи, «достаточно принципиально отличающихся друг от друга характером внутрисемейных отношений», а наряду с ними существует «значительное число «промежуточных» форм, которые нельзя отнести однозначно ни к одному типу» [23]. Намного реже употребляются вместе термины «форма» и «вид», «тип» и «стадия». Так, в автореферате В.В. Соловьева приведено следующее соотношение понятий «форма» и «вид»: «... существует две формы индигенной моногамной семьи, в каждой из которых два ее вида». Этими же понятиями пользовался В.А. Александров [24]. Я.Н. Шапов считал, что малая и большая семья являются типами, у которых есть переходные стадии [25]. Выражение «стадии в смене форм семьи» используется И.В. Власовой [26]. Изучая «движение» основных типов и форм семьи, С.С. Крюкова в «конкретной классификационной схеме» «в соответствии со структурно-поколенными особенностями» внутри типа «неразделенная» семья выделила четыре подтипа: отцовскую, братскую, «дядья-племянники», смешанную [27].

Типологии могут быть основаны на разных принципах, поэтому вопрос о отнесении тех или иных семей к какому-либо типу решается неоднозначно. Содержание, которое один автор вкладывает в понятие «малой» семьи, может не совпадать с содержанием этого же понятия у другого автора. В подобной ситуации для сопоставления результатов необходим тщательный анализ терминов (как это, к примеру, пришлось делать В.А. Александрову с материалами А.И. Копанева по семье Русского Севера [28].)

Терминологический обзор целесообразно начать с работ, посвященных Древней Руси. Именно для изучения того времени историки начинают употреблять общепризнанные понятия для обозначения структуры семьи.

Большинство из них, оперируя терминами «большая» и «малая» семья, признают тем самым сосуществование, наряду с малой семьей, на протяжении всего периода (или на определенном его этапе) «большой» семьи, «большой патриархальной» семьи, «большой семейной общины». Исключение составляет Ю.М. Рапов, который считал, что семья того времени была только малой [29]. Столь же категорична В.И. Горемыкина, признававшая разнообразие семейных форм от домашней общины до малой семьи с Древней Руси до начала XX века [30].

Различие во взглядах в большей мере наблюдается по вопросу о соотношении большой и малой семьи. А.А. Зимин, М.О. Косвен, И.Я. Фроянов считали основой общества и наиболее распространенным явлением большую семью [31]. С.В. Юшков, Б.Д. Греков, В.В. Мавродин, М.Б. Свердлов признавали основной формой, наоборот, малую, а наряду с ней как пережиток или в полуразложившемся виде вплоть до XIX в. — большую [32].

Второй вопрос по которому существует расхождение мнений, — содержание понятия «большая» семья. Многие авторы считают, что большая семья, из которой в свое время появилась малая, и большая семья более позднего периода, существовавшая наряду с малой до XIX в., — это одно и то же явление. На принципиальной разнице между ними настаивает М.Б. Свердлов. Для обозначения более позднего образования он ввел термин «неразделенная» семья [33]. По его мнению, большая патриархальная и неразделенная — это стадийно и типологически различные семьи. Патриархальная семья была этапом перехода к формирующейся малой семье. Неразделенная семья существовала в период господства малой семьи и регенерировалась на ее основе. Патриархальная семья — институт распадающегося родоплеменного строя и следствие неразвитости производительных сил, неразделенная семья — атрибут феодального общества, и создается она в целях стабильности совместного владения. Аналогичных взглядов придерживаются В.А. Александров, А.А. Столяров, И.В. Власова [34]. И.Я. Фроянов видит в неразделенной семье только переходную форму большой семьи, которая, по его мнению, также существовала в этот период. Дифференцировано подходу к структуре большой семьи и выделяя из ее состава семьи, состоящие из родителей с женатыми сыновьями и внуками, он называет их «неразделенными» [35].

Как считает Н.Л. Пушкарева, при «сосуществовании разных типов семейной организации» необходима большая осторожность «в выводах о преобладании того или иного из них». По ее наблюдениям, «развитие семейно-брачных отношений от большой семьи VI—VII вв. к экономически и юридически самостоятельным малым семьям XI—XII вв. не вызывает сомнения у большинства исследователей» [36].

Таким образом, уже в Древней Руси одновременно существовали семьи с разной структурой. Чаще всего исследователи акцентируют внимание на следующих из них: супруги с неженатыми детьми, родители (вдовы) с женатыми и неженатыми детьми и внуками, семьи с боковым родством, состоящие из же-

натых братьев или дядей с женатыми племянниками и более сложные семейные коллективы. Подобное деление остается актуальным для работ по истории семьи XV — начала XX вв. В результате сопоставления шести основных структур семьи с терминами, употребляемыми различными авторами (см. таблицу 1), выявилось пять разных позиций, зависящих от содержания терминов «малая», «неразделенная» и «большая» семья.

Таблица 1

Соотношение терминов и структур семьи

Супруги с неженатыми детьми	Вдова или вдовец с женатым сыном и внуками	Родители, их женатые и неженатые дети и внуки	Несколько женатых братьев	Дяди и женатые племянники	Семьи с более сложной структурой
Малая семья	Большая или сложная или неразделенная семья				
Малая семья			Большая или неразделенная семья		
Малая семья	Неразделенная семья		Большая семья		
Малая семья	Неразделенная семья			Большая семья	
Малая семья	Неразделенная семья				Большая семья

Ряд авторов понимает под малой (или простой) семьей супругов или одного из них с неженатыми детьми. Другие расширяют это понятие, включая в состав малой семьи вдову или вдовца с женатым сыном и внуками, а также родителей с женатыми и неженатыми сыновьями и внуками. Соответственно этому сужается понятие «большая» (сложная) семья. При столь «широком» толковании малой (простой) семьи не совсем понятен принцип ее выделения из их совокупности. Если же считать, что малая (простая) семья включает только одну супружескую пару, а к большой (сложной) относить семьи, где более одной супружеской пары, то подобное разделение будет вполне объективным. Правда, этот критерий носит в значительной степени демографический характер и, возможно, поэтому учитывается не всеми историками.

Сложные по структуре семьи принято делить на отцовские (родители с их женатыми и неженатыми детьми и внуками), братские (несколько женатых братьев) и более сложные образования (дяди с женатыми племянниками и семьи с более сложной структурой), которые получают иногда названия «сложные неразделенные семьи», «осложненные боковым родством семьи». Самые сложные по структуре и к тому же многочисленные семьи называют «гигантами», «печищем», «большими», «следами большесемейных общин».

Как показывают данные таблицы, содержание термина «неразделенная» семья в литературе сильно варьируется. Им обозначают только отцовские семьи отцовские и братские; отцовские, братские, сложные (дяди с женатыми племянниками); наконец, этим термином может обозначаться вся совокупность семей со сложной структурой, иногда исключая только «гиганты» или «печища». От того, что включать в понятие «неразделенная» семья, зависит содержание тер-

мина «большая» семья. Последняя может вобрать в себя все сложные семьи (тогда название «неразделенная» семья не употребляется); расширение понятия «неразделенная» семья сужает рамки понятия «большой» семьи — и наоборот.

Если попытаться определить место «неразделенной» семьи в общепринятой разбивке семей на малые (простые) и большие (сложные), то оказывается, что этот термин или занимает промежуточное положение между ними, или вытесняет название «большая» семья и употребляется вместе с ним как синоним. В зависимости от этого одни авторы делят всю совокупность семей на две части (малые и большие), а другие — на три (малые, неразделенные, большие). При двучастном делении разные авторы делят семьи на малые и большие неодинаково — встречаются два варианта, разница между которыми зависит от неустойчивости границы термина «малая» семья. При трехчастном делении содержание терминов также не однозначно. В большинстве случаев варьируются границы между неразделенной и большой семьей.

Названия, которым авторы отдают предпочтение при обозначении семьи, тесным образом связаны с их представлениями об ее эволюции. Терминологический анализ в частности, показывает, что на протяжении длительного времени одни семейные структуры не исчезали и не заменялись другими, а постоянно присутствовали в общей совокупности семей. Некоторые авторы акцентируют внимание на этом вопросе. Так, Л.Б. Заседателева пишет, что сложное соединение различных форм семьи сохранялось до начала XX в. [37]. Малая и большая семья в XVIII — первой половине XIX вв. сосуществовали и по мнению М.В. Гришкиной [38]. К.В. Чистов считает, что в XIX в. иначе и быть не могло [39]. Таким образом, развитие семьи происходило не по взаимоисключающему принципу «или—или», а с редким исключением по правилу «и—и». В связи с этим при изучении эволюции семьи большое значение приобретает вопрос взаимосвязи различных семейных структур (каково было их соотношение, как они взаимодействовали друг с другом).

Эволюция семьи, по мнению авторов, придерживающихся широкого толкования понятия «малая» семья, носила линейный однонаправленный характер. Как пишет Л.С. Ефремова, по мере развития общества происходит переход от множества форм к их единообразию — к малой семье [40]. На первом этапе этого перехода большая семья, являясь «пережитком», тем не менее, преобладает над малой. Второй этап начинается чаще всего в конце XIX в., в отдельных районах и раньше — на Урале на рубеже XVIII—XIX вв., на Русском Севере в XVII в. [41]. С этого времени малая семья «преобладает», «преобладает» над большой семьей, продолжающей существовать в виде «пережитка» и «разлагаться». Происходит «консервация большесемейных отношений», которая считается характерной особенностью развития семейного строя [42]. Возникновение малой семьи рассматривалось учеными, разделяющими подобные представления, только как результат процесса «разложения» большой.

В основном данной точки зрения придерживаются этнографы. Уделяя главное внимание большой семье, они рассматривают развитие семей с точки зрения изменений, происходящих внутри нее. Так, по мнению С.А. Токарева, в историческом развитии семьи преобладал процесс парцелляции семейно-родствен-

ных коллективов, дробление их на все более мелкие группы [43]. Формирование концепции о преобладании в русской дореформенной деревне большесемейной организации С.С. Крюкова связывает с дискуссией о путях развития русской общины. В основе предложенной для обсуждения «трудовой теории» лежал образ большой семьи «в качестве некоей статичной формы, носившей характер универсальной константы». Следующим шагом стали споры вокруг семейных разделов в 70-х—90-х гг. XIX в. Небывалые размеры этого явления послужили поводом для интерпретации развития крестьянской семьи как эволюции от большой патриархальной семьи к малой: «Согласно взглядам большинства исследователей, в пореформенный период происходил необратимый процесс перехода от сложной формы семьи к простой» [44]. В рамках такого подхода к типологии семьи и предпринимались попытки классифицировать ее формы.

Большинство авторов, считающих, что малая семья включает в себя только супружескую пару с неженатыми детьми, признает ее основой семейного строя. В отличие от первой точки зрения, господство малой семьи датируется им более ранним временем — XV, XVII вв., а для русского города, по мнению М.Г. Рабиновича, — древнерусским периодом [45].

Эволюция семейного строя, с точки зрения развития малой семьи, представляется далеко неоднозначной. С мнением К.В. Чистова о «ясной общей линии развития от больших семей к малым семьям» полемизирует М.В. Гришкина, считая, что эволюцию семьи нельзя свести к четко очерченной прямой, ведущей от патриархальной большесемейной общины к малой индивидуальной семье [46]. В русских городах малая семья стала преобладать в очень раннее время, но, как подчеркивает М.Г. Рабинович, процесс этот не был необратимым — в течение столетий неразделенная семья то исчезала, то возрождалась [47].

Сторонников данной позиции отличает также повышенное внимание к развитию семьи в различных регионах страны. Выявление региональных особенностей на протяжении длительного хронологического периода — так сформулировал В.А. Александров основной подход к созданию типологии семьи. Как считает М.В. Гришкина, соблюдение этого условия также позволит не принимать особенности явления общего порядка [48]. По сведениям М.С. Кашубы, в начале XIX в. на Кубани преобладали малые семьи, а в конце того же века — неразделенные [49]. По мнению составителей «Очерков общей этнографии» европейской части России, увеличение удельного веса малой семьи происходило с середины XIX в. и совпало с процессом дробления сложных семейных структур [50]. На Русском Севере малая семья стала господствовать довольно рано. Однако, как указывает К.В. Чистов, в середине XIX в. большие семьи занимали там еще значительное место [51]. По данным М.В. Гришкиной, в Удмуртии XVIII в. существовала тенденция к увеличению удельного веса малой семьи, а в первой половине XIX в., наоборот, — к его постепенному снижению [52]. По наблюдениям В.В. Соловьева, соотношение малой и неразделенной семьи у коми также варьировалось. Во второй половине XVIII в. там преобладала малая семья, в XVII—XVIII вв. существовало стабильное соотношение этих семейных структур, а в середине XIX в. преобладать стала неразделенная семья [53]. В Среднем Поволжье с XVI в. «не прослеживается какой-либо четкой закономерности численного преобладания неразделенной семьи»

малой или, наоборот, малой над неразделенной», только во второй четверти XIX в. преобладание малой семьи стало определяющим [54]. У жителей северо-западного Урала при господстве с XVIII в. малой семьи в отдельных районах также преобладали сложные семьи [55]. При «доминирующей тенденции к выделению малых семей» типы семей у старожильского населения Сибири XVII — начала XVIII вв., по замечанию А.А. Любидарской, также не укладывались в жесткие рамки [56]. Так, В.А. Александров отмечает, что заселение Сибири начиналось малыми семьями, а затем возросло количество неразделенных семей [57]. У крестьян Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX вв. господствовала малая двухпоколенная семья, но на юге края в определенный этап заселения возросло количество больших семей, а во второй половине XIX в. в регионе начались процессы унификации семей и повышение их плотности [58]. В связи с этим И.В. Власова полагает, что ситуация в Сибири отличалась от положения в Европейской России. Если в центре семья уже к XVII в. сформировалась преимущественно как малая, то в Сибири сначала образовались малые семьи, которые постепенно разрастались и превращались в неразделенные, а затем им снова распространились малые семьи. По мнению данного автора, это свидетельствует о гораздо более сложном процессе — малая и неразделенная семья развивались и как бы противостояли друг другу [59].

В последнем обобщающем труде по этнографии русских, признавая разнообразие семейных структур и относя к основным типам русской семьи «в основных исторических периодах» малую (простую), сложную (патриархальную, большую, неразделенную) и складническую (договорную) семьи, И.В. Власова отмечает, что «для традиционной русской семьи было характерным развитие простых ее форм, преимущественно двухпоколенной семьи». История русской семьи в подобной интерпретации предстает в следующем виде: «По самым ранним описаниям Древнерусского государства, семьи славян были различными. Русская правда», «Повесть временных лет», актовый материал XI—XIII вв. представляют малую семью как основную форму семейной организации, а архаическую большую — как пережиточную форму. Последняя в тот период восстанавливалась на основе господствовавшей малой.

Объединения сельских жителей в Древней Руси X—XI вв. — общины — состояли в основном из малых семей. В XI—XIII вв. (...) у сельского населения (земледельцев и холопов) отмечались исключительно малые двухпоколенные семьи (родители-дети). Наряду с такой семьей существовали расширенные коллективы, представлявшие собой объединения 3—5 поколений родственников по прямой и боковой линиям. (...) Малая двухпоколенная семья, состоящая из родителей и детей, (...) преобладала в среде сельского населения в XV—XVII вв. (...).

Семьи более сложного состава в 3—4 поколения с родством прямым и боковым, а также свойством создавались при разрастании малых семей и исчезали при разделах на те же малые. В этих неразделенных семьях проживали либо братья с их семьями (братские семьи), либо родители-дети-внуки (равнуки) (отцовские семьи), а также семьи дядьев и племянников». В XVIII—XIX вв. у русских также «наличествовали семьи разных типов». При

всем разнообразии неразделенных семей их структура сводилась к типам отцовских, братских или семей «дядья-племянники».

Считая большую семью исторически универсальным явлением у народов, прошедших родовую стадию общественного развития (и, следовательно, присутствующую всем восточным славянам, а позже — русскому народу), И.В. Власова сопоставляет «долгое время господствовавшее в науке неверное представление о происхождении большой семьи в результате разветвления изначально малой семьи и слияния малой семьи» и предлагает собственную схему: «Вместе с тем и патриархальная большая семья не была первоначальной стадией в истории развития общества. Она, как правило, следовала за архаической материнской семьей и предшествовала малой». Неразделенные, складнические, договорные семьи, которые встречались у русского населения, осваивавшего Урал, Поволжье в XVI—XVII вв., Сибирь с конца XVI—XVIII вв. и даже в XIX и в начале XX вв., были, по ее мнению, вторичными образованиями (а также формами) большой семьи. Повторяемость этих стадий в различные эпохи «ни обязательно свидетельствует об устойчивости традиций (в наличии той или иной формы семьи), а скорее о их вторичности, так как вторичные формы любого явления возникают в условиях, не сходных с теми, в которых сложились первоначальные архаические формы» [60].

С накоплением эмпирического материала стали выявляться определенные закономерности в преобладании различных типов семьи. В обобщающих работах по этнографии отмечалось разрастание с течением времени малых семей до больших [61]. Этот же процесс был выявлен на окраинах России в период освоения. В Сибири, на Тереке и Кубани заселение начиналось малыми семьями, которые впоследствии разрастались [62]. К аналогичным выводам пришли исследователи семьи в Среднем Поволжье [63]. Видимо, эта модель развития семьи в необжитых районах была выработана еще в европейской части страны.

В 1981 г. В.А. Александров попытался объяснить эти факты, поставив вопрос о генетической связи между малой и неразделенной (или большой) семьей: «Если рассматривать неразделенную семью архаическим, то есть постоянным существовавшим пережитком первобытного строя, то придется признать параллельное и самостоятельное существование как малой, так и неразделенной семей вне их генетической связи. Такое явление в сельской среде, так сказать на одной деревенской улице было бы странным и невероятным. Повсеместное длительное и преобладающее бытование малой семьи не вызывает сомнения, поэтому ее существование не могло быть результатом распада большесемейных форм в рассматриваемое время. Представляется очевидным иной процесс — создание неразделенных семей на основе малых и затем их раздел на те же малые» [64]. С момента раздела больших (сложных) семей описанный процесс хорошо прослеживается на материалах колонизации Урала. По данным В.А. Оборина, три четверти местных починок в Приуралье XVI в. имели по одному двору; в остальных, где уже произошел раздел патриархальной семейной кооперации, насчитывалось по два-четыре двора, принадлежавших, как правило, ближайшим родственникам. В XVII—XVIII вв. подобная картина наблюдалась в местах расселения русских в Прикамье. К началу XVIII в. семья находилась

стадии «дробления». У старожилов преобладали малые двухпоколенные семьи, состоявшие из родителей и детей [65].

В историографии описанное В.А. Александровым явление получило название «пульсация семей». О характере такой пульсации существуют разные мнения. В.А. Александров с самого начала подчеркивал систематическую регенерацию неразделенной семьи на базе малой. По его мнению, история неразделенных семей как вторичных образований свидетельствует об их подчиненности малой семье. Тем более, что существуют они относительно короткое время, затем распадаются. Такой же точки зрения придерживаются В.В. Солюев, А.А. Столяров [66]. Совершенно противоположных воззрений по данному вопросу придерживаются демограф А.Г. Вишневский. Он считает, что базой для изменений, наоборот, являлась неразделенная семья [67].

Обращает на себя внимание тот факт, что рассуждения о типологии и эволюции семьи, как правило, вращаются по «замкнутому кругу» противопоставления пары понятий «малая» (простая) и «большая» (сложная, неразделенная) семья (не исключение даже теория «пульсации» семей, подразумевающая чередование большой и малой). Некоторые исследователи даже историографию данного вопроса представляют как смену предпочтений одного типа семьи в ущерб другому. По этому поводу А.Г. Вишневский приводит красноречивое высказывание американского исследователя Э. Шартера: «Социологи, которые первыми стали заниматься историей семьи, взяли дурную привычку раз и навсегда исходить из гипотезы, согласно которой до промышленной революции семьи были организованы как настоящие кланы или, по крайней мере, всегда были значительно «расширенными». Так как одной капли исторических знаний было достаточно, чтобы убедиться в ошибочности этой гипотезы применительно к европейскому обществу, начиная с 1960-х годов (...) под громкие возгласы расхищения стали открывать нуклеарную семью на каждом повороте истории (...). Авторы впали в противоположенную крайность, (...) они стали утверждать, что повсеместно и во все времена практически преобладала супружеская семья. Таким образом, они пришли к тому, что создали свою собственную фантастическую гипотезу: нуклеарная семья как историческая константа» [68].

Для борьбы с подобными «крайностями» С.Н. Абашин предлагает поставить вопрос «о доверии к самой процедуре типологизации семейных структур», а именно к «традиционной схеме анализа», под которой он понимает «оппозицию «большой/малой» семьи». В его рассуждениях также прослеживается взаимосвязь между типологией семьи и ее эволюцией. Имеющийся в распоряжении исследователей фактический материал о жизни семьи, по мнению данного автора, невозможно «жестко привязать» только к двум ее типам и «втиснуть» в рамки подобных типологий. «При такой интерпретации природы семейных отношений, — рассуждает С.Н. Абашин, — сама постановка вопроса о том, увеличивается ли доля «больших» или «малых» семей или уменьшается, является по меньшей мере спорной. Историю развития семей можно рисовать тогда не только в рамках оппозиции «большая/малая» семьи, но и в рамках других оппозиций — например, просто «малая» семья и «малая» семья с «другими родственниками» («псевдо-большая» семья). Оппозиция «большая/малая» се-

мья, как и любая другая такого рода оппозиция (...) не является принципиальной» [69]. Предложенный подход — расширение набора оппозиций — не снимает проблемы «оппозиционности» мышления при решении вопроса об эволюции семьи, а, скорее, его усиливает.

Между тем, существует действительно альтернативный, жестко иерархичный, основанный на оппозиции традиционным построениям подход к созданию типологии семьи. Речь идет о концепции жизненного цикла семьи, которая исходит из признания того, что любая семья может постоянно менять свою структуру. Демографический энциклопедический словарь определяет жизненный цикл семьи или семейный цикл как последовательность существенных в социальном и демографическом отношении состояний, в которых находится семья с момента ее образования до того, как она прекратит свое существование [70]. Различные структуры семьи, которые называют типами (подтипами), формами, видами, и есть эти «существенные состояния». Разбивка всей совокупности семей на ряд групп (обычная процедура установления типологии семьи) при этом дополняется распределением этих же групп как бы «по вертикали», давая срез изменений структуры семьи. Поэтому различные типы семьи — это этапы, фазы, стадии ее жизненного цикла. (Описанная В.А. Александровым «пульсация семей», не что иное, как частный вариант ее жизненного цикла).

При данном подходе в основу типологии семьи положены явно не иерархический и не оппозиционный принципы. Создав ее для летско-лузских коми в первой половине XIX в., В.В. Соловьев отметил следующее: «Все типы в таблице расположены в порядке усложнения и обнаруживают преемственность друг с другом. Как правило, в течении одного поколения происходила эволюция семьи из одного типа в другой: после появления новорожденных, женитбы взрослых сыновей или смерти представителя старшего поколения. Малая семья, разрастаясь, превращалась в большую отцовскую семью (...). Типы этой подгруппы после смерти лиц старшего поколения превращались в семьи бокового родства, чаще всего в тип «женатые братья с холостыми (или женатыми) детьми», так называемые братские семьи». Общее развитие семьи, по мнению данного автора, шло в направлении усложнения структурного состава от семей прямого родства к семьям бокового родства, хотя, по его же замечанию, «все крестьянские семьи так или иначе развивались: одни семьи разрастались, другие семьи по ряду причин могли сокращаться в своих размерах, третьи — разделялись» [71].

Когда в отечественной историографии было признано, что семейные структуры чрезвычайно подвижны и обладают исключительной способностью к переходу от одной формы к другой даже в пределах одного поколения [72], встал вопрос о причинах таких изменений. Длительность пребывания семьи в том или ином состоянии зависит от демографических факторов (рождение, смерть, брак) и этнических традиций (например, условия проведения разделов), а в конечном итоге — от социально-экономических условий. На примере удмуртской семьи конца XVII — первой половины XIX вв. М.В. Гришкина показала, что в зависимости от изменения этих условий более заметными становились процессы распада сложных структур семьи (и больше появлялось малых семей), либо процессы их регенерации [73].

Впервые и наиболее полно этот механизм функционирования русской семьи второй половины XIX — начала XX вв. описал А.В. Чаянов. Благодаря работам Н.Н. Черненкова, П.А. Вихляева, А.И. Хрящевой и Г.А. Куценко он имел возможность исследовать вопрос не только путем априорных построений, но и путем апостериорного анализа эмпирического материала, который подразумевал выявление судьбы каждого хозяйства за 10, а иногда и 30 лет. Подобный подход был с его точки зрения крайне важен, ибо «только беря семью во всем объеме ее развития, начиная с зарождения и кончая смертью, мы можем понять основные законы ее сложения». Выяснив факт постоянных изменений структуры семьи, А.В. Чаянов связал его с наблюдаемым разнообразием типов семьи в русском обществе. «Вникая в причины такого разнообразия, — писал он, — мы должны объяснить его главным образом фактом биологического развития семьи, разбивающего всю совокупность семей на ряд групп, различных по своему возрасту, а следовательно, и по размеру, и по составу». «Говоря иначе, — рассуждал он, — перед нами все фазы развития, которые переживает семья». «Из отдельных хозяйств, находящихся в разных юростах своего семейного развития», по его мнению, «слагается социальный массив крестьянских хозяйств». Чаще всего этот массив составляли «два мощных потока, из которых один, в котором главным образом участвуют неделившиеся молодые малосеющие хозяйства, — поток восходящий, расширяющийся под влиянием роста семей объем входящих в его состав хозяйств, и другой — поток, ниспадающий в значительной своей части в силу семейных разделов молодых старых семей». «Если оба потока взаимно уравновешены, — писал А.В. Чаянов, — то, несмотря на то, что отдельные хозяйства в большом количестве будут переходить из группы в группу, численное соотношение групп будет оставаться неизменным и при огульном сопоставлении только итогов двух разделенных между собою большим промежутком времени переписей мы получим картину полного статистического покоя. Несмотря на то, что в состав групп будут входить совершенно иные хозяйства, группы как таковые останутся теми же». Поэтому, заключал он, «процесс демографической дифференциации, зависящий от биологического роста семей, по сути дела не нов и, в сущности говоря, статичен» (демографический режим и этнические традиции чрезвычайно стойчивы), пока на него не действуют социально-экономические условия. «Однако чаще, — отмечал А.В. Чаянов, — общая хозяйственная конъюнктура района, уровни цен, земельное утеснение и прочее выводят изучаемые нами социальные потоки из состояния взаимного равновесия, и тогда один из них начинает временно преобладать над другими, и через несколько лет в соотношении групп происходит заметное изменение. Подчас сопоставление двух регистраций открывает нам более сложный круг явлений, чем простое преобладание одного социального потока над другим» [74].

Историографический обзор показал, что суждения о типологии и эволюции семьи с древнерусского периода до начала XX в. представляют по сути различные толкования связей между шестью представленными в таблице структурами семьи, которые можно объединить понятием типичный жизненный цикл русской (российской) семьи. Согласно с природой семьи, концепция «жиз-

ненного цикла семьи» — готовый ключ к любой ее типологии, поэтому он снимает сам вопрос о «типологизации семейных структур» и четко ставит проблему эволюции «семейного строя». При чтении текстов по истории семьи не всегда ясно, идет ли речь о процессе развития (функционирования), на который способна любая семья, или о процессе эволюции семьи. Между тем, «биологической» точки зрения вопрос является решенным. Отдельная особь эволюционировать не может, но своим развитием может внести вклад в общую эволюцию, благодаря связям процессов онтогенеза и филогенеза. В фамилистике об эволюции семьи с подобной точки зрения написано очень мало. Она не сводится к модернистской, прогрессистской схеме перехода от большой семьи к малой, от сложной к простой, от патриархальной к индивидуальной нуклеарной. Но что принять за «точку отсчета» — отслеживать изменения жизненного цикла семьи, пресловутого «семейного строя» (определение которого пока никем не предложено; между тем, потребность в подобном определении у авторов «чувствующих» разницу между развитием отдельной семьи и совокупностью семей, велика) или чего-то еще?

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ласлет П. История и общественные науки // *Философия и методология ист.* М., 1977. С. 212—213.
2. Александров В.А. Обычное право крепостной деревни России XVIII — начала XIX в. М., 1984. С. 42.
3. Бессмертный Ю.Л. Актуальные задачи исторической демографии западноевропейского средневековья и начала нового времени // *Историческая демография докапиталистических обществ Западной Европы: проблемы и исследования.* М., 1988. С. 15.
4. Александров В.А. Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма // *История СССР.* 1981, № 3.
5. Крюкова С.С. Русская крестьянская семья во второй половине XIX в. М., 1990. С. 36, 38—39.
6. Люцидарская А.А. Старожилы Сибири. Историко-этнографические очерки. XVI — начало XVIII в. Новосибирск, 1992. С. 90—97.
7. Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М., 1987. С. 36.
8. Бакланова Е.Н. Крестьянский двор и община на Русском Севере. Конец XV — начало XVIII в. М., 1976. С. 28.
9. Александров В.А. Обычное право... С. 61; Свердлов М.Б. Семья и община Древней Руси // *История СССР.* 1981. № 3. С. 105.
10. Волков А.Г. Семья — объект демографии. М., 1986. С. 35.
11. Ефремова Л.С. Латышская крестьянская семья в Латгале. 1860—1939. Рига, 1982. С. 53.
12. Столяров А.А. К вопросу изучения структуры русских сельских семей Среднего Поволжья в XVI — начале XX вв. // *Вопросы этнографии Среднего Поволжья.* Казань, 1987. С. 112.
13. Соловьев В.В. Структура и численность крестьянской семьи летско-луэских ком в первой половине XIX в. (по материалам ревизских сказок) // *Вопросы социально-экономической истории Коми края. Эпоха феодализма и капитализма. Труды института языка, литературы и истории.* 1980. Вып. 23. С. 37.

14. Ганцкая О.А. Семья: структура, функции, типы // Советская этнография. 1984. № 6. С. 17.
15. Пушкарева Н.Л. Русская семья X—XVII вв. в «новой» и «традиционной» демографической истории // Советская этнография. 1996. № 3. С. 64.
16. Ганцкая О.А. Семья: структура, функции, типы... С. 19.
17. Этносоциальные аспекты изучения семьи у народов зарубежной Европы. М., 1987. С. 7.
18. Волков А.Г. Семья — объект демографии. С. 35.
19. Горелов В.А. Структура и численный состав семьи по материалам Братского и Нижне-Илимского районов Иркутской области и Кежемского района Красноярского края // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. 1: Приангарье. Новосибирск, 1971. С. 96; Рабинович М.Г. Очерки этнографии русского феодального города. (Горожане, их общественный и домашний быт). М., 1978. С. 171; Ефремова Л.С. Латышская крестьянская семья... С. 6; Биленко М.В. О мордовской семье XVII века // Советская этнография. 1979. № 1. С. 93.
20. Фроянов И.Я. Семья и вервь в Киевской Руси (по поводу статьи Ю.М. Рапова) // Советская этнография. 1972. № 3. С. 94; Чистов К.В. Севернорусские причитания как источник для изучения крестьянской семьи XIX в. // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1977. С. 137.
21. Власова И.В. Структура и численность семей русских крестьян Сибири в XVII — первой половине XIX в. // Советская этнография. 1980. № 3. С. 50; Свердлов М.Б. Семья и община... С. 105.
22. Соловьев В.В. Структура и численность крестьянской семьи... С. 37.
23. Абашин С.Н. Статистика как инструмент этнографического исследования // Этнографическое обозрение. 1999. № 1. С. 14.
24. Соловьев В.В. Коми крестьянская семья XVIII — начала XX века. Автореф. дис. ... к-та истор. наук. М., 1987. С. 6—7; Александров В.А. Типология русской крестьянской семьи... С. 88, 90.
25. Щапов Я.Н. Брак и семья в Древней Руси // Вопросы истории. 1970. № 10. С. 216.
26. Власова И.В. Брак и семья у русских (XII — начала XX вв.) // Русские. М., 1997. С. 418—419.
27. Крюкова С.С. Русская крестьянская семья... С. 40.
28. Александров В.А. Обычное право крепостной деревни... С. 58.
29. Рапов Ю.М. Была ли вервь «Русской правды» патронимией? // Советская этнография. 1969. № 3. С. 109.
30. Горемыкина В.И. Об общине и индивидуальном хозяйстве Древней Руси // История СССР. 1973. № 5. С. 138.
31. Зимин А.А. Феодальная государственность и Русская правда // Памятники русского права. М., 1952. Вып. 1. С. 86; Косвен М.О. Семейная община и патронимия. М., 1963. С. 7; Фроянов И.Я. Семья и вервь... С. 95.
32. Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 87; Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. М., 1952. Кн. 1. С. 64; Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971. С. 27—28; Свердлов М.Б. Семья и община... С. 108.
33. Свердлов М.Б. Семья и община... С. 105.
34. Александров В.А. Обычное право... С. 61; Столяров А.А. К вопросу изучения структуры... С. 118; Этнография восточных славян... С. 361.
35. Фроянов И.Я. Семья и вервь... С. 94.

36. Пущкарева Н.А. Русская семья X—XVII вв. ... С. 75.
37. Заседателява Л.Б. Терские казаки. М., 1974. С. 297.
38. Гришкина М.В. Удмуртская семья в XVIII — первой половине XIX в. // Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII—XX вв. Устинов, 1985. С. 3—4.
39. Чистов К.В. Севернорусские причитания как источник... С. 131.
40. Ефремова Л.С. Латышская крестьянская семья... С. 6.
41. Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала. Конец XIX — начало XX в. М., 1971. С. 45; Копанев А.И. Крестьянство Русского Севера в XVII в. М., 1978. С. 197.
42. Народы Европейской части СССР. М., 1964. Т. 1. С. 462; Косвен М.О. Семейная община и патронимия... С. 44.
43. Токарев С.А. Обычай и обряды как объекты этнографического исследования // Советская этнография. 1980. № 3. С. 32.
44. Крюкова С.С. Русская крестьянская семья... С. 9—10.
45. Рабинович М.Г. К структуре большой семьи у русских горожан в начале XVIII в. (по материалам г. Устюжны Железнопольской) // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 89.
46. Чистов К.В. Севернорусские причитания как источник... С. 131; Гришкина М.В. Удмуртская семья в XVIII — первой половине XIX в. С. 15.
47. Рабинович М.Г. К структуре большой семьи... С. 89.
48. Гришкина М.В. Удмуртская семья в XVIII — первой половине XIX в. ... С. 3.
49. Кубанские станицы. Культурно-бытовые и этнические процессы на Кубани. М., 1967. С. 189.
50. Очерки общей этнографии. Европейская часть СССР. М., 1968. С. 125.
51. Бакланова Е.Н. Крестьянский двор и община... С. 39; Чистов К.В. Севернорусские причитания как источник... С. 140.
52. Гришкина М.В. Удмуртская семья в XVIII — первой половине XIX в. ... С. 9—10.
53. Соловьев В.В. Коми крестьянская семья... С. 7—9.
54. Столяров А.А. К вопросу изучения структуры... С. 113, 116.
55. На путях из земли Пермской в Сибирь. Очерки этнографии североуральского крестьянства XVII—XX в. М., 1989. С. 177—197.
56. Люцидарская А.А. Старожилы Сибири... С. 90—94.
57. Александров В.А. Обычное право крепостной деревни... С. 48.
58. Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII — первой половине XIX в.). Новосибирск, 1979. С. 76; Она же. Крестьянская семья в Западной Сибири в первой половине XIX в. (численность и структура) // Из истории семьи и быта сибирского крестьянства XVIII — начала XX в. Новосибирск, 1975. С. 12, 16—19, 25.
59. Власова И.В. Структура и численность семей... С. 50.
60. Власова И.В. Брак и семья у русских. С. 416—419, 432.
61. Народы Европейской части... С. 463; Очерки общей этнографии... С. 125.
62. Александров В.А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964. С. 133; Этнография русского крестьянства Сибири XVII — середина XIX в. М., 1981. С. 26; Кубанские станицы... С. 191; Заседателява Л.Б. Терские казаки... С. 304.
63. Бусыгин Е.П., Зорин Н.В., Михайличенко Н.В. Общественный и семейный быт русского сельского населения Среднего Поволжья. Историко-этнографическое исследование (середина XIX — начало XX в.). Казань, 1973. С. 92.
64. Александров В.А. Обычное право крепостной деревни... С. 90.

65. Традиционная культура русского крестьянства Урала XVIII—XIX вв. Екатеринбург, 1996. С. 120.
66. Швейковская Е.Н. Крестьянские семья и община как категории социальной структуры феодальной России (конец XV—XVII вв.) // Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI — начало XX в.). Материалы XX сессии Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Вып. 1. Таллин. 1986. С. 7; Столяров А.А. К вопросу изучения структуры... С. 117; Соловьев В.В. Структура и численность крестьянской семьи... С. 38.
67. Вишневский А.Г. Роль исторического знания в объяснении современных демографических тенденций (на примере метаморфозы семьи) // Проблемы исторической демографии СССР. Киев, 1988. С. 30.
68. Там же. С. 29.
69. Абашин С.Н. Статистика как инструмент... С. 14.
70. Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 32.
71. Соловьев В.В. Структура и численность крестьянской семьи... С. 37—40.
72. Бардина П.Е., Бояршинова З.Я., Львова Э.Л., Ратушняк В.Н. Рецензия на: Этнография русского крестьянства Сибири // История СССР. 1984. № 4. С. 179.
73. Гришкина М.В. Типология удмуртской крестьянской семьи конца XVII — первой половины XIX в. // Социально-демографические процессы в российской деревне... С. 151—152.
74. Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды. М., 1989. С. 217—218, 415, 418, 422—423, 429.

PROBLEMS OF HISTORICAL TYPOLOGY OF FAMILY

The author attempts to compare available typological schemes of family with the process of its evolution. Structural approach to the creation of typology of family, a concept of a family life cycle and also alternative approaches to the analysis of structural typological problems of family are considered.

S.V. Golikova